

Аннотированное научное издание

УДК 929:78.071.2(47+57)"19"

DOI: <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2023.52.1.07>

А. А. Николаев. Мой дядя — Гуго Тиц

*Подготовка текста, предисловие
и комментарии А. А. Сальм*

Алина Альбертовна Сальм

Московская государственная консерватория им. П. И. Чайковского,
ул. Большая Никитская, 13/6, Москва 125009, Российская Федерация
salm.a@mail.ru[✉], ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5412-2378>

Аннотация: Записки А. А. Николаева посвящены известному певцу и педагогу, профессору Московской консерватории, одному из представителей творческой династии Николаевых и Тиц. Проведя многие годы рядом с Гуго Тицем, автор запечатлел его в своей памяти не только как замечательного исполнителя, но и как близкого родственника, друга и наставника. Записки начинаются с краткой истории переселения общих предков из Германии в Россию во второй половине XVIII века; среди занятий и увлечений этих людей музыка и музицирование занимали весьма заметное место. Музыкально одаренным был отец Г. И. Тица и дед А. А. Николаева по материнской линии — Ионатан Павлович. Он серьезно увлекался пением, брал уроки вокала в Москве у А. И. Книппер и, несомненно, передал сыну свой певческий дар. Николаев рассказывает о преподавании Г. И. Тица в Московской консерватории (их классы находились по соседству), участии дяди в спектаклях консерваторской Оперной студии, делится впечатлениями от исполнения им оперных партий и от ежегодных камерных концертов. Личностные качества Г. И. Тица раскрываются, в частности, в эпизодах, повествующих о совместном времяпрепровождении на отдыхе и поездках в Казахстан к родственникам, находившимся на поселении. Наконец, автор придает большое значение влиянию дяди на собственное творчество: Николаев показывал Тицу свои вокальные сочинения, которые нередко исполнялись самим Гуго Ионатановичем и многими его учениками, например, П. Глубоким, В. Черновым и др.

Ключевые слова: Г. И. Тиц, композитор А. А. Николаев, Оперная студия Московской консерватории, немецкие поселения на Кавказе, вокальное искусство, записки, воспоминания

Для цитирования: Николаев А. А. Мой дядя — Гуго Тиц / подготовка текста, предисловие и комментарии А. А. Сальм // Научный вестник Московской консерватории. Том 14. Выпуск 1 (март 2023). С. 168–189. <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2023.52.1.07>.

Annotated Scholarly Edition

A. A. Nikolaev. My Uncle Hugo Titz

*Preparation of the text, introductory article,
and commentaries by A. A. Salm*

Alina A. Salm

Tchaikovsky Moscow State Conservatory,
13/6 Bolshaya Nikitskaya St., Moscow 125009, Russia
salm.a@mail.ru[✉], ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5412-2378>

Abstract: The notes of Aleksy A. Nikolaev are dedicated to the famous singer and vocal teacher, Professor at the Moscow Conservatory, one of the representatives of the creative dynasty of the Nikolaevs and Titz. After spending many years next to Hugo Titz, the author captured him not only as a wonderful performer, but also as a close relative, friend and mentor. The notes begin with a brief history of the migration of common ancestors from Germany to Russia in the second half of the 18th century; among the hobbies of these people, music occupied a very prominent place. Musically gifted was the father of Hugo Titz (and the maternal grandfather of Aleksy Nikolaev) Jonathan. He was seriously fond in singing, took vocal lessons in Moscow from Anna I. Knipper and, undoubtedly, passed on his singing gift to his son. Nikolaev tells about the teaching of Hugo Titz at the Moscow Conservatory (their classes were nearby), his participation in performances of the Conservatory Opera Studio; shares impressions of his performance of opera parts and of the annual chamber concerts. The personal traits of Hugo Titz are revealed, in particular, in episodes that tell about joint pastime during vacations and trips to Kazakhstan to visit their deported relatives. Finally, the author attaches great importance to the influence of Titz on his own work: Nikolaev showed the singer his vocal compositions, which Titz often performed himself, as well as his students, such as P. Gluboki, V. Chernov, and many others.

Keywords: Hugo I. Titz, composer Alexey A. Nikolaev, Opera Studio of the Moscow Conservatory, German settlements in the Caucasus, vocal art, notes, memories

For citation: Salm, Alina A., ed. "Nikolaev, Aleksy A. My Uncle Hugo Titz." *Nauchnyy vestnik Moskovskoy konservatorii / Journal of Moscow Conservatory* 14, no. 1 (March): 168–89. (In Russian). <https://doi.org/10.26176/mosconsv.2023.52.1.07>.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вниманию читателя предлагается публикация воспоминаний композитора, профессора Московской государственной консерватории Алексея Александровича Николаева (1931–2003), посвященных его дяде — известному педагогу, профессору, декану вокального факультета консерватории Гуго Ионатановичу Тицу.

Г. И. Тиц (1910–1986) — один из представителей творческой династии Николаевых — Тицев, преподававших в Московской консерватории; в их числе и профессор Александр Александрович Николаев — пианист, отец Алексея Александровича Николаева¹.

¹ Об Александре и Алексее Николаевых см. статьи во втором томе энциклопедии «Московская государственная консерватория. 1866–2016» [5; 9].

Специальной монографии о Г. Тице не существует². Тем более интересными представляются записки А. А. Николаева-младшего «Мой дядя — Гуго Тиц», написанные им спустя несколько лет после ухода Гуго Ионатановича из жизни³. Николаев многие годы провел рядом с ним, запечатлев его в своей памяти не только как замечательного исполнителя и педагога, но, прежде всего, как близкого родственника, наставника, друга и просто человека.

Стоит отметить, что к написанию воспоминаний — своего рода семейных хроник — в разное время обращались несколько членов семьи Николаевых — Тицев. Так, в архиве Александра Николаева⁴ находятся записки Маргариты и Леонарда Тицев⁵. Кроме того, сам Николаев-старший на протяжении ряда лет вел личные «Дневники»⁶, где в течение некоторого времени параллельно ежедневным заметкам записывал рассказ о своих детских и юношеских годах. Наконец, Алексей Николаев также оставил «Мои воспоминания» о жизни и семье⁷.

Каждый из авторов с разной степенью подробности касается вопросов истории общей для них семьи, в частности, переселения в XVIII веке предков шведского и немецкого происхождения в Россию по приглашению Екатерины II⁸.

² При статье о Тице в энциклопедии «Московская государственная консерватория...» [15] имеется список литературы с указанием нескольких публикаций, посвященных принципам его вокально-педагогической школы. Сюда можно добавить две статьи, написанные по случаю юбилеев Тица, которые хранятся в Музее Московской консерватории (далее — Музей МГК), Ф. 30. Ед. хр. 214, 213 соответственно: (1) *Рацер Е. Я.* Большая жизнь. Г. И. Тицу — 70 лет (1980; ксерокопия без указания источника); (2) *Николаев А. А.* Продолжение — в учениках (газета «Советский музыкант», № 2 (1153) от 29 апреля 1991). Исследователь В. П. Морозов в своей известной монографии упоминает Тица в числе выдающихся педагогов по вокалу, сторонников резонансной техники пения (см.: [8, 5]).

³ Музей МГК. Ф. 30. Ед. хр. 208, 209. Записки датируются концом 1990-х — началом 2000-х годов.

⁴ Архив размещен в Отделе хранения документов личных собраний Москвы (далее ОХДЛСМ) Центрального московского архива-музея личных собраний (ЦММЛС), Ф. Л-248. Часть материалов была передана семьей Николаевых в Музей МГК, Ф. 30. Обзор этих архивных материалов дан в статье [12]. В фонде Л-248 есть и документы Г. И. Тица: несколько программ, приглашений, статей, а также 6 писем 1943–1955 годов, адресованных матери и сестре, находящимся в ссылке, Д. 149–150.

⁵ Маргарита Ионатановна Тиц (1911–2003) — младшая сестра Елизаветы и Гуго Тицев. Остала воспоминания об отце и своей жизни: «Воспоминания о папе Ионатане Павловиче Тице» (1993) // ОХДЛСМ. Ф. Л-248. Оп. 1. Д. 147. Л. 1–24; «Записки Маргариты Тиц» (1996) // ОХДЛСМ. Ф. Л-248. Оп. 1. Д. 148. Л. 1–28. О М. И. Тице см. также далее (с. 176 и примеч. 19).

Леонард Павлович Тиц — старший брат Ионатана Тица, дядя Елизаветы, Гуго и Маргариты. «Записки Леонарда Павловича Тица» (пер. с нем. яз. (1970-е). ОХДЛСМ. Ф. Л-248. Оп. 1. Д. 152. Л. 1–6) оканчиваются 1885 годом.

⁶ Дневниковые записки служебного и бытового характера с автобиографическими воспоминаниями, 1 января — 31 декабря 1965 года (ОХДЛСМ. Ф. Л-248. Оп. 1. Д. 40–42). Существует также машинописный вариант «Воспоминаний» под названием «Записки Александра Александровича Николаева» (1970-е годы. Д. 9).

⁷ Фрагменты опубликованы в книге: [10].

⁸ Немецкие переселенцы основывали колонии в разных уголках Российской империи, включая Новороссию и Кавказ. История возникновения таких поселений, в частности, в Азербайджане, достаточно хорошо изучена и описана, например, в работах: [4; 13; 2].

Ил. 1. А. А. Николаев. (1990-е годы)
Музей МГК. Ф. 30. Ед. хр. 268

В этих семейных «летописях» отражена жизнь представителей нескольких поколений семьи Николаевых — Тицев, род занятий и увлечений ее членов, в числе которых — музыка и музицирование.

Леонард Павлович Тиц отмечает, что многие представители их семьи были музыкальны и очень любили домашнее музицирование; прадед и дед играли на скрипке, гармонике, другие члены семьи — на флейте и фортепиано. В семье долгие годы хранилась скрипка Страдивари (позднее сгорела при пожаре дома). В числе родни были и сельские учителя, преподаватели основанных ими же гимназий, и владельцы мельницы. На Северном Кавказе в Пятигорске был хорошо известен торговый дом «Братья Тиц»⁹.

Часть своих воспоминаний Маргарита Ионатановна Тиц посвящает отцу. По ее словам, родители воспитали Ионатана добрым, мягким, отзывчивым человеком. «...Очень рано в нем открылась музыкальность — семейная черта Тицев, и хороший голос. Одна из тетушек, оплакивавшая погибшего жениха-матроса, часто звала его к себе и просила спеть ей песню про матроса»¹⁰. Бесспорно, именно

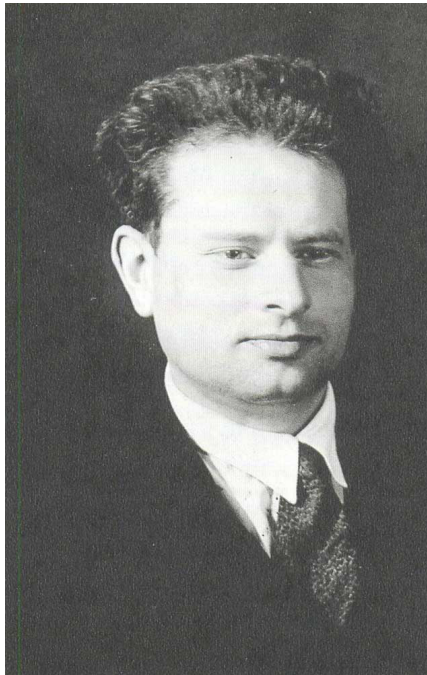
⁹ ОХДЛСМ. Ф. Л-248. Оп. 1. Д. 152. Л. 1–3.

¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 147. Л. 2.

он передал сыну Гуго певческий дар. Ионатан учился в Ставропольской гимназии (в числе его ближайших друзей и одноклассников был будущий классик осетинской литературы Коста Хетагуров), хорошо выучил французский язык и впоследствии преподавал его в школе. В Алексеевке¹¹ и соседней деревне Грюнефельд организовал он хор, создал драмкружок, в 1930-е годы давал уроки музыки.

Ионатан Тиц мечтал стать профессиональным музыкантом, однако отец и братья настояли на обязательном его участии в делах фирмы. Об увлечении Ионатана пением и занятиях вокалом в Москве также рассказывается в записках М. И. Тиц и А. А. Николаева.

Жизнь Ионатана Павловича трагически оборвалась в ноябре 1941 года. Его вместе с семьей, включая жену, дочь Маргариту, брата Леонарда с внуками посадили в эшелон вместе с другими насильно выслаемыми жителями Северного Кавказа и отправили в Казахстан. Он умер по дороге, не доехав до места поселения, место захоронения неизвестно. Его сыну Гуго удалось избежать высылки благодаря тому, что он оказался в числе так называемых «нужных немцев» — артистов и ученых¹². Не пострадала и его старшая дочь Елизавета, которая была замужем за пианистом Александром Николаевым.

Ил. 3. Г. И. Тиц (1940-е годы).
Источник: <https://cultureru.com/gugo-ionatanovich-titz-1910-1986-singer/>

¹¹ См. прим. 18.

¹² Там же. Л. 22–24.

Воспоминания «Мой дядя — Гуго Тиц» находятся в тематическом конверте «Г. И. Тиц»¹³ музейного фонда Николаевых и являются наиболее ценным документом в нем. Они представлены рукописным черновиком — автографом А. А. Николаева на 19 листах и текстом, набранным на компьютере (ксерокопия распечатанных страниц). Возможно, компьютерная версия сделана самим автором и является окончательным вариантом этих записок¹⁴. Алексей Николаев щедро делится впечатлениями от общения с дядей, помимо кратких биографических сведений приводит эпизоды их совместного времяпрепровождения: поездки в Казахстан на летние каникулы к находящимся на поселении родственникам, обучение Тицем своего племянника вождению автомобиля, преподавание обоих в Московской консерватории (их классы находились по соседству), участие Г. И. Тица в спектаклях Оперной студии консерватории.

Николаев с признательностью вспоминает о своем дяде — неординарном человеке, великолепном педагоге и большом музыканте. Общий тон повествования пронизан по-родственному теплой и сердечной атмосферой, наполнен искренностью высказывания и благодарной памятью автора.

А. А. Сальм

Мой дядя — Гуго Тиц

Предки Гуго Ионатановича Тица переселились из Германии в Россию во второй половине XVIII века. По преданию некий Игнац Тиц был «шпильманом», т. е. «скрипачом-одиночкой». Его потомки за сто последующих лет проявили недюжинную деловую хватку, и к тому времени, когда мой дядя появился на свет и получил имя Гуго Вольфрам¹⁵ (вторая «половинка» [имени. — А. С.], конечно, дань родительскому увлечению Вагнером), торговый дом «Братья Тиц», с центром в Пятигорске, был хорошо известен на Северном Кавказе. Отец Гуго, Ионатан Павлович, был младшим из шести сыновей. Как ни хотелось ему стать профессиональным музыкантом, давние и строгие семейные традиции требовали его участия в делах фирмы. В том кругу музыка, хотя и была любима, но не могла

¹³ Музей МГК. Ф. 30. Ед. хр. 208–215. Кроме записок в нем хранятся 2 приглашения на творческие вечера профессора Г. И. Тица в ЦДРИ, программа вечера, посвященного его 80-летию, 3 газетные статьи.

¹⁴ При подготовке публикации листы были отсканированы и пропущены через программу распознавания текста, после чего проведена необходимая корректура. Примечания к тексту воспоминаний принадлежат А. А. Сальм.

¹⁵ По воспоминаниям Маргариты Тиц (о ней см. примеч. 5, 19), рождение сына совпало со следующим событием в жизни И. П. Тица. Он помог своим друзьям-горцам обустроить поселок Карамык (Ставропольской губернии, другое название — с. Обильное. — А. С.; см.: <http://www.okorneva.ru/naselennyye-punkttyi-stavropolskoy-gubernii-i-kubanskoj-oblasti/obilnoe-karamyik-selo-praskoveyskiy-uezd/>). Друзья назначили Ионатана посредником в составе делегации на переговорах с губернатором. В 1910 году в поселке появилась вода, и тогда же родился мальчик, которого делегация настаивала назвать именем Карамык. Ионатан не стал возражать друзьям, но сына назвал Гуго Вольфрам (вероятнее всего, в честь рыцаря-левца Вольфрама фон Эшенбаха — одного из героев оперы «Тангейзер». — А. С.). ОХДЛСМ. Ф. Л-248. Оп. 1. Д. 147. Л. 12.

считаться «настоящей» профессией. И все же, несмотря на противодействие отца и старших братьев, Ионатан, не оставляя работы в фирме, нашел возможность учиться пению и заниматься (наездами, конечно) в Москве у А. И. Книппер, матери Ольги Леонардовны¹⁶. Однажды, когда мой дед (тогда еще совсем молодой человек) пришел на урок, дверь ему открыл Антон Павлович Чехов. Увидя пришедшего, он прокричал в глубину квартиры: «Анна Ивановна, тут пришел ваш степной король Лир!..». Уроки мадам Книппер (в сочетании, быть может, с природной одаренностью) позволили Ионатану Павловичу где-то в 1911 году выступить в опере Зимина¹⁷ в роли Мефистофеля.

Ил. 4. И. П. Тиц в роли Мефистофеля (1903). Фото из книги [10]

¹⁶ Анна Ивановна Книппер (1850–1919) — певица, педагог, профессор Музыкально-драматического училища МФО. Ольга Леонардовна Книппер-Чехова (1868–1959) — актриса, народная артистка СССР (см. в статье: [7]).

¹⁷ Частный оперный театр С. И. Зимина, открытый в Москве в 1904 году.

Уже на моей памяти дед играл на органе в местной кирхе, на чем-то вроде валторны в домашнем ансамбле и, конечно, всегда сопровождал собственному пению на пианино. В праздничные дни всё семейство рассаживалось вокруг стола, пели по нотам на четыре голоса нехитрые песни и хоралы. Я прислушивался и присматривался к этому с самых малых лет, и вероятно поэтому у меня в дальнейшем никогда не было проблем с «диктантом» и «сольфеджио».

Как только я родился, меня отправили к дедушке и бабушке на Кавказ, в немецкую «колонию» Алексеевку в Азербайджане¹⁸, под Акстафой. Вот почему первым языком, на котором я заговорил, был немецкий. Когда меня чуть позже ненадолго привезли в Москву — мой родной город, оказалось, что я не понимаю русскую речь. Вскоре моему двадцатилетнему дяде Гуго доверили отвезти меня, едва освоившего русскую речь, обратно на Кавказ.

Я этого, конечно, не помню, но согласно семейному преданию, войдя в купе, я будто бы сказал: «Холосая комната!»; вероятно, после нашей убогой коммуналки на Волхонке блестящие медные ручки, мягкие диваны, красный бархат обивки, матовые светильники — всё это действительно могло ошеломить. Думаю, родители поднатужились и, чтобы нам быть вдвоем, отправили нас «международным» [классом. — А. С.].

Несмотря на то, что многие предвоенные годы я провел там, на Кавказе, не припомню ни одного «визита» туда Гуго Ионатановича. Видимо, это было для него самое горячее время — учебы и освоения «места под солнцем». Тем более стоит с чужих слов восстановить кое-какие детали его «кавказской жизни». Его младшая сестра Маргарита¹⁹ в своих записках вспоминает об их счастливым и безмятежном детстве в собственном пятигорском доме: «Нам, детям, было хорошо: при доме было три садика. Один — для кур («дети должны есть яйца собственных кур»); другой — для наших игр, с тремя качелями, кучей чистого песка; третий — маленький садик с двумя цветочными клумбами...

...двор с сараями, где стоит «фаэтон», конюшня, где стоят лошадь и корова («дети должны пить молоко от собственной коровы»)...

...Много было простора для игр: чердак над сараем, чердак над домом. Там, на чердаке были две маленькие комнаты с русской печкой. Ее топили 2–3 раза в год, когда пекли много разного (на Рождество — пряники, на Пасху — куличи). Еще одно, особенно интересное, помещение на чердаке: там стояло деревянное сооружение с каталкой для «большого» белья. На стояке два человека катали ящик, наполненный огромными камнями (а сверху сажали еще нас — Гуго и меня). На два круглых бревна наматывали постельное белье и катали взад-вперед. Очень было весело!..

...Иногда Элли²⁰ заставляла нас (Гуго, меня и пасторских детей) разучивать пьески, танцы, всякие другие номера...

¹⁸ Название колония получила в честь наследника русского престола Цесаревича Алексея, родившегося 30 июля 1904 года, см.: [4, 118].

¹⁹ Как и в случае с сыном Гуго Ионатан Тиц назвал дочь «оперно-музыкальным» именем в честь главной героини оперы «Фауст» Ш. Гуно. В год ее рождения — 1911 — Ионатан Тиц исполнил партию Мефистофеля в спектакле оперы С. И. Зимина в Москве. В семье Маргариту звали Гретхен. ОХДЛСМ. Ф. Л-248. Оп. 1. Д. 147. Л. 12.

²⁰ Елизавета Ионатановна Тиц, старшая дочь И. П. Тица.

До 1941 года мы каждое лето выезжали к нашим родственникам в Константиновку (Донбасс)²¹... Хорошо помню день, когда неожиданно приехал папа и сказал: «Началась война, едем домой»...».

Из более поздних, «взрослых» лет Маргарите особенно запомнилось лето 1930 года, когда в Алексеевку (с Пятигорском было давно покончено) съехались все трое детей — Гуго, Маргарита, моя мама Елизавета, ее молодой муж, мой отец, Александр Александрович Николаев. Жили, конечно, небогато, но дружно и весело. Гуго с моим отцом подрабатывали на местных «государственных» виноградниках, опрыскивая из заплечных резервуаров какой-то «полезной химией» пораженные филлоксерой лозы. Держали корову. Гуго ее ловко доил. Отец часто вспоминал, как они с Гуго водили корову в «райцентр» к ветеринару и — по его предписанию — ставили ей клизму... Молодежи выделили комнату в пустующей школе. Мне предстояло родиться в апреле следующего года.

В это лето Гуго был уже студентом гнесинского училища. Мой отец — тогда студент фортепианного факультета консерватории — годом раньше подготовил с Гуго вокальную программу, и они показали маэстро Гандольфи²², видному в те времена педагогу. Тот сразу же разгадал в моем дяде баритон, хотя программа готовилась басовая. Так Гуго стал — вслед за своей старшей сестрой Елизаветой (Элли) и ее мужем Шурой — «гнесинцем»²³.

Война подвела черту под «кавказским» периодом жизни не одного только семейства Тицев. Как известно, не только немцам, но и чеченцам, ингушам, татарам и другим жителям Северного Кавказа и других районов было предписано в считанные часы собраться и в положенный срок явиться к приготовленному эшелону. В октябре 1941 года И. П. Тица, отца Гуго вместе с другими «спецпереселенцами» посадили в теплушку и отправили в ссылку. По дороге он умер. Его вынесли из вагона на станции Эмба, а все родственники поехали дальше. Так мы и не узнаем, где его могила. Но его уцелевшие попутчики впоследствии рассказывали, как он скрашивал своим пением тяготы и лишения этого принудительного путешествия. За несколько дней до его смерти, на барже в Каспийском море (где-то между Дербентом и Красноводском) лишенные домашнего очага, с корнем вырванные из родных мест земляки и соплеменники слушали в его исполнении Шуберта, Шумана, Вагнера, немецкие народные песни...

* * *

В калейдоскопе профессий, призваний и должностей, в которых я начал разбираться по мере вхождения в сознательный возраст, место моего дяди было определено раз и навсегда: он — «певец». Так я всем и отвечал, если меня об этом спрашивали.

²¹ В Константиновке проживали родственники со стороны Марии Богдановны Феттер, жены И. П. Тица.

²² Гектор Петрович Гандольфи (1862–1931) — оперный, камерный певец (бас-кантанта) и педагог, профессор. С 1923 года работал в Московской консерватории (см.: [14]).

²³ Елизавета Тиц и Александр Николаев ранее окончили музыкальное училище имени Гнесиных.

В его исполнении я впервые услышал цикл Шумана «Любовь поэта». Было это за несколько лет до войны, но не на концерте, а просто у него дома — на 2-й Мещанской, д. 58, кв. 54, на первом этаже (в более просторную квартиру — № 69, на шестом этаже, он переехал значительно позже). Я, конечно, не знал тогда ни Шумана, ни Гейне (было мне, должно быть, лет 6 или 7), но до сих пор ощущаю «мурашки», которые поползли по спине на словах

Und holt mir auch zwölf Riesen,
Die müssen noch stärker sein
Als wie der Stärke Christoph
Im Dom zu Cöln am Rhein.

Двенадцать великанов
Придут из-за синих гор.
Им надо быть сильнее,
Чем в Кёльне Христофор.

Чуть позже начались посещения Оперной студии Московской консерватории²⁴. Мама тщательно готовила меня к «Евгению Онегину» — в основном на уровне сюжета. Дядя Гуго во фраке, с подклеенными баками, «разочарованным лорнетом» и прочими аксессуарами «изящной жизни» казался мне неотразимым. И я тихо ненавидел Татьяну, которая, несмотря на ее, казалось бы, чистосердечное признание в неутраченном чувстве, все же отвергла моего обаятельного дядю, предпочтя плешивого инвалида в генеральских эполетах и доведя дело до неслыханного скандала: «Позор... Тоска... О жалкий жребий мой!».

Для москвичей довоенного поколения Оперная студия была по существу третьим музыкальным театром. Консерватория делила этот зал — с прекрасным сценическим оборудованием и оркестровой ямой — с театральным училищем им. Щукина. Студия имела своего постоянного, сложившегося зрителя; многие «знатоки» предпочитали ее даже Большому театру: видимо, привлекали свежие студенческие голоса, высокий уровень музыкального руководства и режиссуры. Не случайно такой спектакль, как «Обручение в монастыре» С. Прокофьева был в неизменном виде, в тех же декорациях и с участием тех же солистов (вспомним хотя бы великолепного Мендозу — Е. Максименко²⁵) перенесен в театр им. Станиславского и Немировича-Данченко.

Тогда же, еще до войны, я побывал и на «Севильском цирюльнике», и не один раз. Помню, после одного из спектаклей я зашел за кулисы и спросил дядю-Фигаро: «А почему ты сегодня не нюхал кошелек?». Он не сразу понял, и тогда я пояснил: «А в прошлый раз, когда ты пел “Золота слышу запах приятный...”», то успел в то же время понюхать красный сафьяновый мешочек, когда

²⁴ Название до 2000 года, в настоящее время — Оперный театр Московской консерватории (см.: [10]). За время существования студии (театра) здесь было осуществлено множество постановок, в первую очередь, русской классики. Премьера оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин» состоялась 17 марта 1879 года.

²⁵ Евгений Иванович Максименко (1932–1980) — певец, солист Музыкального академического театра им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко.

тебе его кинул граф Альмавива». «Ты прав, — серьезно ответил дядя, — я в этот раз просто забыл...».

Настала война. Я с мамой, женой дяди Гуго Валентиной Ивановной и их сыном Павликом оказались все вместе в Татарии, под Бугульмой, в птицеводхозе. В мои обязанности, помимо целого рода хозяйственных дел (а было мне десять лет) входило отводить моего четырехлетнего двоюродного брата в детский сад. Наши мамы уходили на работу затемно. Почти каждый день мне с братом удавалось выйти на несколько минут раньше, чтобы у «конторы» — правления совхоза — послушать через черную «тарелку» репродуктора последние известия. Шел октябрь 1941 года. Собиралось порядочно народу — это был единственный источник свежих новостей. К середине октября стало казаться, что Москву вот-вот придется «сдать». Но почти каждый раз после «Последних известий» в живом эфире (как мы бы теперь сказали) звучал голос солиста Всесоюзного радиокomiteта Гуго Тица — с какой-нибудь «заводной» песней; это мог быть «Играй, мой баян»²⁶, «Два Максима»²⁷ или что-нибудь еще. Слыша его голос, становилось ясно, что Москва на месте. Я спрашивал Павлика: «Ты знаешь, кто это поет?», и четырехлетний карапуз важно и гордо отвечал: «Это мой папа — Гуго Тиц!».

Гуго Ионатанович попал под один из самых разумных, хотя и циничных, декретов того времени (инициатором его был, кажется, Лев Мехлис²⁸), по которому «нужных» немцев — научных работников и артистов — не репрессировали. Гуго так и остался «на свободе», хотя именно в эти дни, как мы уже знаем, его родителей и младшую сестру в считанные часы посадили в эшелоны и отправили в Казахстан. Впрочем, Гуго тоже «возили» — в частности, на передовую, где он в микрофон пел через окопы — на «ту сторону» — по-немецки — не только антифашистские «агитки» Эйслера и Буша, но и старые народные песни, сохранившиеся в памяти тех поколений немцев, которые, как и его предки, перебрались в Россию за два века до этого, которые не забыли языка, культуры и сохранили многое из образа жизни.

Довелось ему петь и перед находившимся теперь уже в «комфортном» плену фельдмаршалом Паулюсом — где-то совсем недалеко от Москвы, куда попадали по «секретной» ветке возле Одинцова...

Но вот война кончилась. Нам казалось, что наши уцелевшие немецкие родственники должны немедленно вернуться. Ничуть не бывало. Вплоть до 1956 года они всё так же были обязаны каждый месяц отмечаться в милиции. Только после длительных хлопот, начиная с 1948 года нам разрешили их навещать. Семнадцати лет отроду я в одиночку проделал трудную дорогу — от Москвы до тихого тогда Кустаная на приспособленном под пассажиров «дугласе» с тремя или четырьмя посадками и потом — 300 километров по целине на попутных грузовиках. Это — отдельный рассказ. Только на следующее лето мы оказались там уже с моей мамой, дядей Гуго, Валентиной Ивановной и подростком Павликом. Для нас, в общем-то городских мальчишек, это было блаженное лето. Так как в землянке, где ютились бабушка²⁹ с тетей Маргаритой и собачкой Кутькой, разместиться всем

²⁶ Музыка В. П. Соловьева-Седого, слова Л. Н. Давидович.

²⁷ Музыка С. А. Каца, слова В. А. Дыховичного.

²⁸ Лев Захарович Мехлис (1889–1953) — советский государственный и военный деятель.

²⁹ Мария Богдановна Тиц.

было невозможно, мы — вместе с дядей Гуго — спали снаружи, на копне сена, укрывшись теплыми ватными одеялами (при дневной жаре ночи оказывались очень холодными). Дождей в это время там не бывает. Именно с тех пор я довольно точно определяю время по развороту Большой Медведицы: откроешь глаз, увидишь, что ковш еще не слишком «опрокинулся», — значит, еще часа два-три можно, зарывшись в сено, поспать до рассвета.

Конечно, мы старались не проводить лето совершенными тунеядцами. Дядя Гуго лихо плел корзины из ивовых прутьев. Ловили рыбу — не только забавы ради, но и как существенное подспорье к столу. Возились в огороде. Мы с братом собирали «кизяк» (для несведущих — это засохший навоз пасомых животных) — единственное топливо на зиму. Первым сортом у нас шли пышные, плотные, хорошо высохшие коровьи лепешки; менее всего ценились плоские, как завядшие листья лопуха, телячьи экскременты, годные разве что на растопку.

Помимо очень скромного огородика возле хаты у нас был участок «под капусту» на берегу реки. Капуста, как известно, требует особенно щедрого полива. Мы втроем — мужчины — отправлялись туда, у каждого — по ведру. Но просто так черпать ведро за ведром и поливать кочан за кочаном оказалось достаточно тяготно, и дядюшка тут же превратил это в азартную игру: каждый из нас, зачерпнув воды, бежал с ним несколько шагов до огорода и норовил окатить с головы до ног того, кто хоть на миг замешкается. В итоге — минут через двадцать не только сами кочаны, но и вся земля вокруг становились мокрыми как после недельного дождя.

Как-то к концу лета бабушка попросила нас нарезать несколько охапок камыша — она плела из них циновки и устилала ими земляной пол нашей «полуподвальной» хаты. Мы отправились — опять-таки втроем — на реку, и оказалось, что густые заросли камыша есть за полкилометра выше нашего капустного огорода. Мы нарезали три огромных охапки, связали каждую припасенными веревками, и тут дядю Гуго осенила очередная светлая мысль: вместо того, чтобы тащить камыш на себе, связать плот и добраться хотя бы до нашего прибрежного огорода на нем, а уж потом волочить всё это хозяйство в гору к деревне. Оказалось, плот выдерживает нас, если каждый сидит на своей охапке верхом, наполовину погрузившись в воду. Мы отчалили и медленно, но верно доплыли до огородов. На соседнем с нашим участке как раз в это время копалась одна из местных бабушек. Солнце стояло низко за нашими спинами. Смотрелись мы, скорее всего, как чудовищный силуэт — что-то вроде трехголового дракона-тритона. Старушка бросила ведро, перекрестилась и, не разбирая дороги, стала прытко карабкаться по крутому песчаному склону — подальше от «нечисти».

В то же лето мы с Павликом сдали дяде Гуго экзамен на приготовление шашлыка. Однажды он сказал: «Ну, вот что. Вы уже много раз видели, как это делается и отчасти даже помогали. Я достану баранины, а всё остальное — делайте сами». Павлик (несмотря на свои 10 лет) поехал на велосипеде к кузнецу и толково объяснил ему, какие нужны шампуры. Я сел готовить мясо. Сложили очаг. Дров в степном Казахстане не бывает. Дядя Гуго ходит вокруг, посмеивается, но всё же подсказывает: «А мы на Кавказе ухитрились жарить шашлык на двух охапках сухого камыша». Собираем сухую траву, тростник, что-то вроде тонких бамбучин. Сооружаем огромный «вигвам» и, едва он прогорает, кладем на очаг шампуры с нанизанными кусками баранины. Действительно, вся хитрость в том,

чтобы заставить всю эту кучу дружно прогореть и не упустить жара. Шашлык удался, экзамен мы сдали. Особенно хвалил нас дядюшка за то, что нам было не лень вырезать из большого куска мяса все жилы и пленки.

Чтобы попасть вовремя к началу занятий в консерватории, дядя Гуго решил подстраховаться и проехать 60 верст до станции Тобол (обратный билет у него был) не на случайном попутном грузовике (который мог так и не подвернуться), а на арбе, запряженной парой медлительных волов. Кажется, это заняло у него день, ночь и часть следующего дня. К поезду он, разумеется, попал сильно загодя, и при следующей же нашей встрече восторженно описывал поездку — не спеша, на мягком сене, в основном под ночными звездами — чтобы избежать дневной жары.

Раз уж зашла речь о способах передвижения, уместно вспомнить еще об одном экзамене, которому подверг меня дядя Гуго — правда, значительно позже. Он оказался моим первым и основным наставником по части автовождения. Наши семьи много лет снимали на лето дом в деревне Подосинки — по Савеловской дороге, возле моста через канал. Летом 1960 года Гуго Ионатанович решил выучить меня на шофера, и мы стали упражняться на совершенно тихом и безопасном тогда участке «бетонки» между Дмитровским и Ярославским шоссе. До поры до времени всё шло благополучно. Но однажды, едучи из Москвы, дяде Гуго вдруг пришло на ум усадить меня за руль перед крутым спуском и столь же крутым подъемом где-то возле Икши. Спуск и подъем я преодолел вполне грамотно. На выезде из этого оврага дядюшка велел остановиться на обочине. Я и это выполнил со всеми полагающимися подробностями: включил правую «мигалку», принял вправо, выключил двигатель, оставил машину ка скорости и сдублировал ручником. Постояли минут десять — то ли просто отдохнуть, то ли выпить чаю с бутербродами. До Подосинок оставалось не больше трех-четырёх километров. «Ну, трогай!». Пока мы стояли, прошел мелкий дождик. Обочина оказалась глинистой и слегка наклоненной в сторону канавы. Машину сразу повело вправо, я по незнанию (такая ситуация еще не отрабатывалась) дал сильный газ, и мы (собственно, даже еще не подавшись вперед), мягко, но тяжело, правым боком шлепнулись в кювет. День стоял жаркий, стекла были опущены, и дядя Гуго, чисто инстинктивно, падая, высунул руку, желая на что-то опереться. Удар верхней оконной стойки пришелся на руку и ему раздробило все мелкие косточки, соединяющие кисть с предплечьем (т. е. то место, где принято щупать пульс). Я с ужасом понял, что рука изувечена, видимо, навсегда.

На встречной машине Гуго Ионатановича повезли в московскую больницу. Подъехала ГАИ, нашу серенькую «Победу» вытащили, залили новое масло, она прекрасно завелась, милицейский чин сел за руль, и мы через пять минут были в Подосинках. Часа через три приезжает дядя Гуго — рука в гипсе, на перевязи. Оказалось, он попал к гениальной пожилой докторше-хирургу, которая ювелирно собрала и сложила ему всю эту «мозаику» осколков и (забегаю вперед) рука, к моему величайшему облегчению, его в дальнейшем никогда не беспокоила и действовала исправно.

И вот после обеда, когда всё это происшествие было рассказано по несколько раз, дядя Гуго вдруг говорит мне: «А теперь поедем на “бетонку”, поработаем над задним ходом — ты не очень-то четко вписываешься на стоянку!». Я попробовал было протестовать: «Никуда мы не поедем! Лежи и болей!». «Я вырос на Кавказе, —

возразил мне дядюшка. Там, если юный неопытный джигит падал с лошади, его тут же сажали обратно в седло и заставляли продолжать обучение, — иначе он начинал бояться, и страх этот поселялся в нем на всю жизнь. Здесь может быть то же самое — тебе надо обязательно сегодня же, немедленно сесть за руль!» И мы сели и поехали отрабатывать «задний ход». Таково еще одно подтверждение его незаурядного педагогического таланта!

Вспоминается еще один «шашлык», связанный с дядей Гуго. Где-то в конце 50-х годов мы поехали всё на той же серой «Победе» в Тарусу, где жил тогда «дядя Паня» — композитор Пантелеймон Иванович Васильев³⁰, родной дядя Валентины Ивановны, ученик Метнера и, конечно, яркий метнерианец. Ранним утром, еще до рассвета, мы отправились на ярмарку за бараниной. Стоит вспомнить, что на этой ярмарке (так теперь мы и не узнаем, где это происходило — ехали мы из Тарусы на машине довольно долго) нас ожидало очевидное изобилие: не только мясо, птица, овощи и зелень, но и всякий заманчивый «шорно-скобяной» товар. Вкусно пахло соленьями, сырой и дубленой кожей, дегтем, и вообще вся эта картина могла бы оказаться на холсте художника-передвижника прошлого века: отпряженные лошади, задранные оглобли телег, выставленные на продажу хомуты, бочки, свежеструганные кадушки и множество подобной соблазнительной «кустарщины».

Шашлык жарили на другой стороне Оки, на высоком лесном берегу. Как водится, под шашлык было изрядно выкушано и разных напитков. После предвечернего освежающего купания вместе с машиной перебирались на пароме обратно в Тарусу. Места в машине всем не хватило, и я стоял на заднем бампере и с трудом удерживал равновесие, распластавшись на заднем стекле.

С П. И. Васильевым было интересно: он не признавал никого «позже» Метнера. Я, желторотый студент, конечно, увлекался Д. Д. Шостаковичем (которого П. И., видимо, терпеть не мог). Я старался быть почтительным, но к согласию мы всё же не пришли. Возникли препирательства и в связи со стихотворением Пушкина «Цветы последние милей»: П. И. утверждал, что последняя строка должна звучать так:

Милее с а м о г о свиданья

«Я же сорок лет назад написал на эти стихи романс, — горячился П. И. — Мне ли их не помнить?!». Я — со своей стороны — только что попробовал написать хор на эти же стихи и потому был на 100% уверен, что правильно —

Милее с л а д к о г о свиданья

Впрочем, скорее всего, правы были мы оба — просто это две разных редакции... Намного огорчительнее оказалось, что на следующее утро после шашлыка из-за какого-то пустяка Г. И. Тиц и П. И. Васильев насмерть разругались (я так и не понял, из-за чего) и больше никогда не общались...

³⁰ Краткие сведения о П. И. Васильеве (1891–1977) из электронного издания «Большая русская биографическая энциклопедия» см. здесь: <https://www.biografija.ru/biography/vasilev-pantelejmon-ivanovich.htm> (дата обращения: 11.03.2023); фрагменты воспоминаний о нем см.: <https://proza.ru/2010/03/10/404> (дата обращения: 11.03.2023).

* * *

Справедливости ради хочу удостоверить, что на поступлении Г. И. в консерваторию (теперь уже в качестве педагога) долго и упорно настаивал мой отец. Гуго много лет был солистом Радио и подрабатывал преподаванием в каких-то самодеятельных кружках. Я как-то стал свидетелем их серьезного, «мужского» разговора, в ходе которого отец с несвойственной ему жесткостью отчитывал своего младшего родственника: «Хватит тебе халтурить в самодеятельности. Понимаю, это хорошие деньги, но совершенно бесперспективно. Переходи на серьезную педагогическую работу — сначала в училище, а потом — Бог даст — и в консерваторию». Теперь ясно, что это был не только нажим моего отца, но и перст Судьбы.

В Оперной студии были и другие замечательные спектакли с участием Г. И.: «Богема», «Дон Жуан», «Фауст», «Аптекарь».

Вот что писала Валентина Ивановна, жена Гуго Ионатановича 1 декабря 1946 года его матери в казахстанскую ссылку:

«Дорогая Мария Богдановна!

Хочу рассказать Вам об успехах Гуго. Вчера в консерваторской студии была генеральная репетиция «Дон Жуана» Моцарта, где Гуго пел Дон Жуана. Конечно, нехорошо хвалить слишком близкого человека, но я, всеми силами стараясь быть беспристрастной, скажу, что он очень хорошо справился со всеми трудностями этой роли. Пел очень хорошо и играл, и танцевал. Костюмы менял три раза и все такие красивые, на голове широкополая шляпа с пером, — словом, красавец. Это я уже пишу смеясь, конечно. Но, право, роль очень трудная, и болел он ею с начала весны. А болеть — это означало, что все окружающее не существовало для него, а последнее время — так я боялась к нему с каким-нибудь вопросом обращаться, потому что все оказывалось не так, и нужно было терпеть и не обижаться на его резкие выходки. Сегодня он ходит и улыбается, т. к. большая часть трудностей позади и работа прошла недаром...».

Тесная дружба связывала его с дирижерами А. С. Шерешевским³¹ и Е. Я. Рацером³². Многие годы они тратили часть своего летнего отпуска, ездили по стране и выискивали «голоса» — в самодеятельности, в училищах, в армии. После одной из таких поездок дядя Гуго и А. С. пришли ко мне и попросили напечатать командировочный отчет. Дело было срочное, а в моем распоряжении была пишущая машинка — по тем временам относительная редкость. Под их диктовку я всё это быстро отстучал, и в благодарность они угостили меня обедом в «Арагви»³³. После обеда оба поехали в Студию — шел «Дон Жуан». Двумя днями позже, встретив меня, А. С. Шерешевский посетовал: «Арагви» следовало отложить: никогда еще твой дядька так не фальшивил...».

Г. И. Тиц был не только замечательным оперным певцом и артистом. Не менее ярко выступал он в камерных концертах. Здесь — в русском и западном репертуаре —

³¹ Арон Соломонович Шерешевский (1906–1968) — дирижер, педагог, и. о. профессора. Вел класс оперной подготовки, был дирижером Оперной студии Московской консерватории (см.: [3]).

³² Евгений Яковлевич Рацер (1915–2005) — оперно-симфонический дирижер, педагог, пианист, профессор (см.: [6]).

³³ Легендарный ресторан на Тверской улице в Москве.

наглядно выявлялись достоинства его голоса и особенности самой манеры пения. Я бы назвал ее «естественной осмысленностью». Много позже, слушая Д. Фишера-Дискау, я ясно понял, что они «одной крови»: четкое, выразительное слово, как бы «одетое» в единственно возможную интонацию (не случайно сейчас мне вспомнилось в его исполнении «Хотел бы в единое слово...»); строго продуманная музыкальная драматургия; совершенно незаметное для слушателей преодоление вокально-технических трудностей («Слишком стараешься, — вспоминает его слова один из учеников. — Постарайся не так стараться!»). Уже в зрелые годы, перестав петь в Студии, Г. И. Тиц по крайней мере раз в год выступал с камерной программой в Малом зале консерватории: как и для многих педагогов-исполнителей, такой концерт был обязательной, положенной по плану «половинкой» нагрузки и заменял собой научно-методическую работу. Идя на такой концерт, можно было с уверенностью ожидать ярких художественных впечатлений. В построении программы Г. И. был далек от академического снобизма: после Шуберта и Шумана на *bis* могла прозвучать не только незамысловатая немецкая народная песенка, но и, скажем, куплеты Т. Хренникова «Жил-был Анри Четвертый...» или не менее легкомысленный опереточный шлягер из «Вольного ветра».

Теперь я подхожу к самой важной и сокровенной части этих записок. Хотя из уже изложенного ясно, сколь важным для меня было общение с Г. И. — от самых моих ранних лет и до последних дней. Самые мои первые — робкие и несовершенные вокальные опусы я показывал ему, и кое-что из этого он пел на моих экзаменах.

Позже сложилось так, что консерваторский класс, в котором я начал преподавать с 1958 года, оказался рядом с его 24-м (ныне 204-м), и я — волей-неволей — на протяжении десятилетий слышал за стеной всю вокальную «кухню» — распевку, упражнения, вокализы. Весь коронный вокально-педагогический репертуар прошел за эти годы через мои уши. Многие из учеников Г. И. стали замечательными исполнителями моих сочинений. В операх «Горе — не беда», «Пир во время чумы», «Граф Нулин» были заняты многие студенты его класса. Камерные вокальные циклы пели П. Глубокий³⁴, В. Чернов³⁵, А. Науменко³⁶, В. Вильховый³⁷.

Многие ученики Г. И. свидетельствуют, что он негодовал, когда кто-либо заговаривал о какой-то особенной его «вокальной школе». Он, конечно, отдавал себе отчет в своем большом артистическом и педагогическом опыте и таланте, но считал, видимо, что делает не более того, на что способен.

Теперь я понимаю, что Г. И. Тиц был совсем не так уж прост и «распахнут», каким он мог казаться некоторым. В своей довольно долгой административной деятельности он становился искусным дипломатом, особенно после того, как заступил на «деканскую» должность. Только обладая этими специфическими способностями можно было в те годы кое-как держать корабль «на плаву» и сохранять на нем порядок, добро и справедливость.

³⁴ Петр Сергеевич Глубокий (р. 1947) — певец, педагог, профессор МГК (см.: [16]).

³⁵ Владимир Николаевич Чернов (р. 1953) — оперный певец (баритон), солист Академического театра оперы и балета им. С. М. Кирова (1981–1995), в дальнейшем — солист театра «Метрополитен-опера»; входит в число лучших певцов мира.

³⁶ Александр Анатольевич Науменко (р. 1956) — российский оперный певец (бас), солист Большого театра России.

³⁷ О В. Вильховом информации найти не удалось.

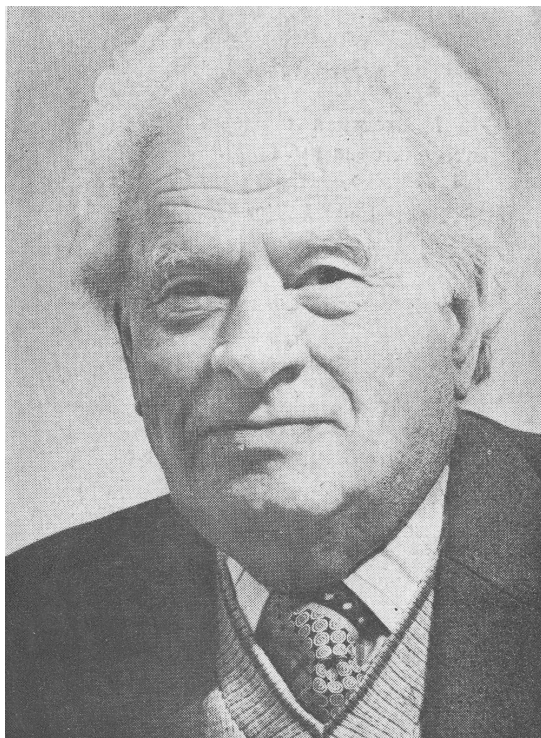
Ил. 5. Первая репетиция оперы А. А. Николаева «Горе — не беда»

Слева направо: Г. И. Тиц, А. А. Николаев, М. М. Мирзоева, П. С. Саратовский.
 Фото 1962 г. Музей МГК. КП 601. Ф-241. Первоначальный фонд

Иногда ему приходилось пренебрегать щепетильностью — но только ради «пользы дела». Однажды я и сам оказался вовлеченным в следующую «интригу». Группа вокалистов сдавала вступительный экзамен по письменному сольфеджио. Говоря проще, писали диктант. Вели экзамен молодые тогда педагоги И. А. Барсова³⁸ и я. Роли распределили так: И. А., как и положено, проигрывала диктант, а я ходил по рядам. Г. И. успел шепнуть мне фамилии трех-четырех самых способных претендентов и попросил, явно смущаясь, «в случае чего подсказать им ошибку и вывести на правильную дорогу». Я согласился без особого энтузиазма. К счастью, все названные абитуриенты неплохо справились сами, и мое вмешательство не потребовалось. Главное тут в том, что декан не ошибся, и через какие-нибудь 10 лет эти фамилии заблистали в оперных театрах Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Перми... По понятным причинам не привожу тех имен, но они и сегодня у каждого на слуху. Ясно, что деканом в данном случае руководило доброе желание застраховать истинный талант от нелепой случайности — грех вполне простительный! Сколько раз в дальнейшем приходилось наблюдать, как надежно вымуштрованная посредственность оставляла «за флагом» самородный, но еще надлежащим образом не оговоренный талант!

Несомненный и, в основном, импонирующий окружающим актерский «наигрыш» совершенно исчезал, когда Г. И. общался с близкими и родными. Сохранилось его письмо, посланное 25 июня 1955 года из Пятигорска матери и сестре, живущим еще в казахстанской ссылке. Вспомним, что Пятигорск — их родной город, где прошло счастливое раннее детство, самый благополучный и единственно безмятежный период жизни всей семьи. Не забудем также, что адресаты этих взволнованных строк уже 15 лет томятся на «спецпереселении», а из родного пятигорского дома, о котором идет речь, и в котором по сей день размещен «Санаторий им. Лермонтова», были изгнаны намного раньше — в начале 20-х гг.

³⁸ Инна Алексеевна Барсова (р. 1927) — музыкальный ученый, педагог, профессор МГК (см.: [1]).

Ил. 6. Г. И. Тиц. Фото с программы юбилейного творческого вечера к 70-летию со дня рождения. ЦДРИ, 3 марта 1980 . Музей МГК. Ф. 30. Ед. хр. 212

«Милые мои мамочка и Маргарита!

...Отпуск у меня в этом году опять короткий. Двадцатого июля я уже должен быть в Москве на приемных испытаниях. Несколько дней хочу провести в родном Пятигорске. За последние шесть лет я уже третий раз приезжаю сюда. Полюбил я этот город за то, что в нем так ярко встают все образы детства. Вспоминаешь мельчайшие подробности нашей здешней жизни. В памяти воскресают такие мелочи и подробности, которые в обычной обстановке давно забыты. Каждый камень, каждый подъем и спуск, каждый угол, забор и улица напоминают о чем-то давно прошедшем и бесконечно дорогом. Я встал сегодня рано, побывал на «холодном нарзане», а сейчас сижу около нашего дома, люблюсь Эльбрусом и горной цепью, которые сегодня видны очень хорошо. Около парадного подъезда нашего дома разрослось огромное каштановое дерево. Оно собой закрыло почти весь дом.

Как мне хотелось бы вас троих — тебя, мамочка, Маргариту и Элли посадить в машину и вместе с вами приехать сюда, чтобы пожить здесь некоторое время... Я был в Теберде и поднимался к самому снегу. Это замечательное зрелище. Там так легко дышится, что хочется все время петь.

Кончаю свое сумбурное письмо».

* * *

Жизнь сделала Г. И. Тица не только артистом, но и — вынужденно — актером. Он жадно впитывал все краски, запахи и прочие осязаемые щедроты бытия. Мне не раз доставалось от него, когда я в молодые годы слишком — по его мнению — предавался учению, упуская лучшие, невозвратимые «золотые денечки». Мне все же удавалось убедить его, а иногда и наглядно показать, что не такой уж я «нотный червь» и схимник. В последние годы он как будто бы примирился с моим образом жизни, а я — в свою очередь — продолжал восхищаться его неувыдаемым жизнелюбием и неумным темпераментом.

О Г. И. — артисте, педагоге, музыкально-общественном деятеле — гораздо полнее и лучше меня расскажут, надеюсь, другие: ученики, коллеги, друзья. Я же хотел по возможности сохранить всё, что запечатлела о нем память и чего кроме меня сегодня уже никто не расскажет, и еще раз признаться в том, сколь значительную роль в моем музыкальном становлении и жизненной судьбе сыграл этот один из самых близких и любимых людей.

Использованная литература

1. *Бобрик О. А.* Барсова Инна Алексеевна // *Московская государственная консерватория. 1866–2016: Энциклопедия в 2-х томах. Т. 2.* М.: Прогресс-Традиция, 2016. С. 66–68.
2. *Вердиева Х. Ю.* Немцы в Северном Азербайджане. Баку: ЭЛМ, 2009. 208 с.
3. *Голубенко С. С.* Шерешевский Арон Соломонович // *Московская государственная консерватория. 1866–2016: Энциклопедия в 2-х томах. Т. 2.* М.: Прогресс-Традиция, 2016. С. 767.
4. *Гумбатова Т. Ф.* Жизнь немцев-колонистов за Кавказом. Баку: б.и., 2005. 267 с.
5. *Лотош Е. С.* Николаев Алексей Александрович // *Московская государственная консерватория. 1866–2016: Энциклопедия в 2-х томах. Т. 2.* М.: Прогресс-Традиция, 2016. С. 483.
6. *Лотош Е. С.* Рацер Евгений Яковлевич // *Московская государственная консерватория. 1866–2016: Энциклопедия в 2-х томах. Т. 2.* М.: Прогресс-Традиция, 2016. С. 563–564.
7. *Миронова Н. А.* Книппер-Нардов, Нардов-Книппер (наст. фам. Книппер; сценич. псевд. Нардов) Владимир Леонардович // *Московская государственная консерватория. 1866–2016: Энциклопедия в 2-х томах. Т. 2.* М.: Прогресс-Традиция, 2016. С. 312.
8. *Морозов В. П.* Искусство резонансного пения. Основы резонансной теории и техники. М.: Московская государственная консерватория им. П. И. Чайковского; Институт психологии РАН; Центр «Искусство и Наука», 2002. 496 с.
9. *Николаев Александр Александрович* // *Московская государственная консерватория. 1866–2016: Энциклопедия в 2-х томах. Т. 2.* М.: Прогресс-Традиция, 2016. С. 482–483.
10. *Николаев А. А.* Мои воспоминания (фрагменты) // *Художник и время. Композитор Алексей Александрович Николаев (Статьи. Беседы. Воспоминания. Литературное наследие) / сост. Н. С. Николаева.* М.: Композитор, 2006. С. 224–250.
11. *Петухов А. А.* Оперный театр МК // *Московская государственная консерватория. 1866–2016: Энциклопедия в 2-х томах. Т. 1.* М.: Прогресс-Традиция, 2016. С. 332–333.

12. Сальм А. А. Александр и Алексей Николаевы в фондах московских музеев / Московская консерватория в прошлом, настоящем и будущем: сборник статей по материалам международной научной конференции к 150-летию Московской консерватории. М.: НИЦ «Московская консерватория», 2018. С. 587–600.
13. Чернова-Дёке Т. Н. Немецкие поселения на периферии Российской империи. Кавказ: взгляд сквозь столетие (1818–1917) (К 190-летию основания немецких колоний). М.: МСНК-пресс, 2008. 208 с.
14. Яковлева А. С. Гандольфи (Gandolfi) Гектор (Этторе; Гектор) Петрович // Московская государственная консерватория. 1866–2016: Энциклопедия в 2-х томах. Т. 2. М.: Прогресс-Традиция, 2016. С. 150.
15. Яковлева А. С. Тиц Гуго Ионатанович // Московская государственная консерватория. 1866–2016: Энциклопедия в 2-х томах. Т. 2. М.: Прогресс-Традиция, 2016. С. 681–682.
16. Яковлева А. С., Парфёнова И. Н. Глубокий Петр Сергеевич // Московская государственная консерватория. 1866–2016: Энциклопедия в 2-х томах. Т. 2. М.: Прогресс-Традиция, 2016. С. 166–167.

Получено: 16 ноября 2022 года

Принято к публикации: 7 февраля 2023 года

О публикаторе:

Алина Альбертовна Сальм — научный сотрудник Музея имени Н. Г. Рубинштейна Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского

References

1. Bobrik, Olesya. A. 2016. “Barsova, Inna Alekseevna.” *Moskovskaya gosudarstvennaya konservatoriya. 1866–2016: Entsiklopediya v dvukh tomakh* [Moscow State Conservatory. 1866–2016: Encyclopedia in two volumes], vol. 2, 66–68. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russian).
2. Verdieva, Hodzhar Yu. 2009. *Nemtsy v Severnom Azerbaydzhane* [Germans in Northern Azerbaijan]. Baku: ELM. (In Russian).
3. Golubenko, Svyatoslav S. 2016. “Shereshevskiy, Aron Solomonovich.” *Moskovskaya gosudarstvennaya konservatoriya. 1866–2016: Entsiklopediya v dvukh tomakh* [Moscow State Conservatory. 1866–2016: Encyclopedia in two volumes], vol. 2, 767. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russian).
4. Gumbatova, Tamara F. 2005. *Zhizn' nemtsev-kolonistov za Kavkazom* [The Life of the German Colonists Outside the Caucasus]. Baku: n.p. (In Russian).
5. Lotosh, Ekaterina S. 2016. “Nikolaev, Aleksey Aleksandrovich.” *Moskovskaya gosudarstvennaya konservatoriya. 1866–2016: Entsiklopediya v dvukh tomakh* [Moscow State Conservatory. 1866–2016: Encyclopedia in two volumes], vol. 2, 483. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russian).
6. Lotosh, Ekaterina S. 2016. “Ratser, Evgeniy Yakovlevich.” *Moskovskaya gosudarstvennaya konservatoriya. 1866–2016: Entsiklopediya v dvukh tomakh* [Moscow State Conservatory. 1866–2016: Encyclopedia in two volumes], vol. 2, 563–64. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russian).
7. Mironova, Natal'ya A. 2016. “Knipper-Nardov, Nardov-Knipper (real name Knipper; stage name Nardov), Vladimir Leonardovich.” *Moskovskaya gosudarstvennaya konservatoriya.*

- 1866–2016: *Entsiklopediya v dvukh tomakh* [Moscow State Conservatory. 1866–2016: Encyclopedia in two volumes], vol. 2, 312. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russian).
8. Morozov, Vladimir P. 2002. *Iskusstvo rezonansnogo peniya. Osnovy rezonansnoy teorii i tekhniki* [The Art of Resonance Singing: Principles of Resonance Theory and Technique]. Moscow: Moskovskaya gosudarstvennaya konservatoriya im. P. I. Chaykovskogo; Institut psikhologii RAN; Tsentr “Iskusstvo i Nauka”. (In Russian).
 9. “Nikolaev, Aleksandr Aleksandrovich.” 2016. *Moskovskaya gosudarstvennaya konservatoriya. 1866–2016: Entsiklopediya v dvukh tomakh* [Moscow State Conservatory. 1866–2016: Encyclopedia in two volumes], vol. 2, 482–83. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russian).
 10. Petukhov, Aleksandr A. 2016. “Opera House of the M[oscow] C[onservatory].” *Moskovskaya gosudarstvennaya konservatoriya. 1866–2016: Entsiklopediya v dvukh tomakh* [Moscow State Conservatory. 1866–2016: Encyclopedia in two volumes], vol. 1, 332–33. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russian).
 11. Salm, Alina A. 2018. “Alexander and Alexei Nikolaevs in the Collections of Moscow Museums.” In *Moskovskaya konservatoriya v proshlom, nastoyashchem i budushchem* [Moscow Conservatory in the Past, Present and Future], collected papers from the international conference on occasion of the 150th anniversary of the Moscow Conservatory, 587–600. Moscow: Moscow Conservatory Publishing. (In Russian).
 12. Nikolaev, Aleksy A. 2006. “My Memories (Fragments).” In *Khudozhnik i vremya. Kompozitor Aleksey Aleksandrovich Nikolaev (Stat'i. Besedy. Vospominaniya. Literaturnoe nasledie)* [Artist and Time. Composer Alexey Alexandrovich Nikolaev (Articles. Conversations. Memoirs. Literary Heritage)], compiled by Natal'ya S. Nikolaeva, 224–50. Moscow: Kompozitor. (In Russian).
 13. Chernova-Döke, Tamara N. 2008. *Nemetskie poseleniya na periferii Rossiyskoy imperii. Kavkaz: vzglyad skvoz' stoletie (1818–1917) (K 190-letiyu osnovaniya nemetskikh koloniy)* [German Settlements on the Periphery of the Russian Empire. The Caucasus: A Look through a Century (1818–1917) (To the 190th Anniversary of the Founding of the German Colonies)]. Moscow: MSNK-press. (In Russian).
 14. Yakovleva, Antonina S. 2016. “Gandolfi, Gektor Petrovich (Ettore Gandolfi).” *Moskovskaya gosudarstvennaya konservatoriya. 1866–2016: Entsiklopediya v dvukh tomakh* [Moscow State Conservatory. 1866–2016: Encyclopedia in two volumes], vol. 2, 150. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russian).
 15. Yakovleva, Antonina S. 2016. “Titz, Hugo Ionatanovich.” *Moskovskaya gosudarstvennaya konservatoriya. 1866–2016: Entsiklopediya v dvukh tomakh* [Moscow State Conservatory. 1866–2016: Encyclopedia in two volumes], vol. 2, 681–82. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russian).
 16. Yakovleva, Antonina S, and Irina N. Parfyonova. 2016. “Glubokiy, Petr Sergeevich.” *Moskovskaya gosudarstvennaya konservatoriya. 1866–2016: Entsiklopediya v dvukh tomakh* [Moscow State Conservatory. 1866–2016: Encyclopedia in two volumes], vol. 2, 166–67. Moscow: Progress-Traditsiya. (In Russian).

Received: November 16, 2022

Accepted: February 7, 2023

Editor's information:

Alina A. Salm — researcher, The Nikolay Grigor'yevich Rubinstein Museum, Tchaikovsky Moscow State Conservatory